

**Богдашкина Светлана Владимировна,
Маскаева Вера Александровна**
*Россия, г. Саранск, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»*

ПОСЛОВИЦЫ И ПРИСЛОВИЦЫ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности употребления мокшанских пословиц и присловиц. Обозначается их роль и функции в речи, характеризуется композиционная структура и анализируется их национальный характер. Подчеркивается, что данные единицы являются самостоятельной областью изречений, важнейшим орудием и средством передачи мыслей при общении. Одновременно рассматривается их способность отражать национальную культуру и ее хранителей.

Ключевые слова: мокшанский язык, пословицы, присловицы, национальная культура.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях мокшанского языка. Однако наиболее ярко она проявляется в пословицах и присловицах. Они занимают центральное место среди изречений как стержневые формы афористических высказываний и заслоняют все паремические произведения, применяющиеся в контексте речи и обозначающиеся этим термином. Испокон веков пословицы и поговорки воспринимались мордовским народом как настоящий клад мудрости предков.

С точки зрения фольклора пословица и поговорка – это разные единицы. Поговорка отражает собой какое-то жизненное

событие или противопоставление, но не является законченным высказыванием [Ушаков 2008: 898]. А пословица – это образное законченное изречение, обычно ритмичное по форме, с назидательным смыслом [Ушаков 2008: 897].

Первым собирателем мордовских пословиц и поговорок был известный мордовский ученый-этнограф и собиратель фольклора М. Е. Евсевьев. В XX веке силами и стараниями работников первых мордовских газет и журналов, сотрудников Мордовского научно-исследовательского института появились первые печатные сборники пословиц и поговорок. В настоящее время эта тема развивается в различных научных статьях, кандидатских диссертациях. Немало пословиц и поговорок включено в школьные хрестоматии по литературе.

Следует подчеркнуть, что широкому распространению и долголетию пословиц в мокшанском языке способствовало то, что они имеют практическое и сугубо назидательное значение. Они выражают философию, мнение народа в сжатых, гибких и емких в смысловом отношении образах, суждениях, которые очень точно схватывают самую суть предметов и явлений. В пословицах заключена народная оценка жизни, непреложные истины, которые основаны на вековом наблюдении за жизнью, трудом и бытом народа, проверены временем, опытом поколений и применены в речи как общеизвестное правило, поучение.

Мордовский народ говорит о пословице: *«Валмуворксь, кода видешись: сембонди эряви и киндинге аф перяви»*. ‘Пословица, словно, правда: всем нужна и никто ее не опровергнет’.

Анализируя образную основу пословиц в мокшанском языке, мы заметили, что часто в основе образности пословиц лежит антитеза: *Кизось работай тялоти, тялось – кизоти*. ‘Букв.: Лето работает на зиму, зима – на лето’; *Од тингсь ётай лиезь, сире тингсь молезь-тиезь*. ‘Букв.: Молодость проходит мимолетно,

старость – медленным шагом’; *Шумбрашишь шама валдонты, а сярядемась – олафты*. ‘Букв.: Здоровье лицо освещает, болезнь – бледным делает’; *Цебярть тевсь мяль касфты – кальдявсь мяль прафты*. ‘Букв.: Хорошее дело воодушевляет, плохое – настроение портит’.

Типичной формой мокшанских пословиц, как и русских, является ирония: *Ляпот кяденза, да оржат кенженза*. ‘Букв.: Руки мягкие, да ногти острые’; *Сонь пряц фкя, но сисем пулонза*. ‘Букв.: У него одна голова, но семь хвостов’; *Эрь келазсь эсь пулонц иннай*. ‘Букв.: Каждая лиса свой хвост хвалит’.

Таким образом, пословицы в мокшанской речи всегда подаются в максимально четкой и сжатой словесной формуле, не дают развернутого изображения явлений жизни [Гриченко 2010: 432].

Следствием сжатости пословиц является простота ее композиционного строя в пределах синтаксической единицы – одного предложения: простого: *Эрь кудть сонцень азороц*. ‘Букв.: У каждого дома свой хозяин’; *Калсь ведьса виш*. ‘Букв.: Рыба в воде сильна’ и др.; сложного: *Мезе тият, сянй и няят*. ‘Что посеешь, то и пожнешь, букв.: Что сделаешь, то и увидишь’; *Тувось туй – везде ърдаз муй*. ‘Букв.: Свинья уйдет – везде грязь найдет’; *Аф ся модать азороц, кие ланганза якай, а ся, кие эсонза сокай*. ‘Букв.: Не тот хозяин земли, кто по ней ходит, а тот, кто ее обрабатывает’ [Богдашкина 2013: 67].

Приведенные примеры показывают, что в мокшанских пословицах имеются как главные, так и второстепенные члены, однако последние применяются достаточно сдержанно [Гриченко 2010: 856].

В композиционном строе пословицы важную роль играет мерный склад речи, то есть четкое членение пословичного суждения на синтаксически соизмеримые части, чем достигается связь ритмического строя с четким выражением мысли: *Калсь //*

ведьса виш. ‘Букв.: Рыба в воде сильна’ и др. Следует подчеркнуть, что пословицы мокшанского языка в простом и в сложном предложении композиционно членится на две части. Даже такие сложносоставные пословицы, как *Аф маштат – тонафнек, // аф ёрат – эльбятьксне тонафттыдязь*. ‘Букв.: Не умеешь – учишься, // не станешь – ошибки научат’; *Павазсь аф мазьшиса, // а павазсь – трудса*. ‘Букв.: Счастье не в красоте, а в труде’, фактически состоят из двух пословиц, но все же композиционно и по смыслу они делятся на две части. Это подчеркивается и логическим ударением, и анафорой – повторным созвучием отдельных слов.

В пословицах в пределах сложного предложения двучленная форма осложняется. В этом случае первый член связывается со вторым по принципу сочетания в форме условного предложения: *Къда зепсот ашт, судьяське кашт*. ‘Если карман сух, и судья глух, букв.: Если в кармане пусто, то и судья молчит’; или в форме сравнительного предложения: *Кода маштат, стане и шаштат*. ‘Как умеешь, так и дело разумеешь, букв.: Как умеешь, так и дело делаешь’; противительного сочетания: *Сяват пандомда ленгя, максат меки шна*. ‘Букв.: Возьмешь в долг лычко – заплатишь ремешком’; повелительного предложения: *Век эряк – век тонафнек*. ‘Букв.: Век живи – век учишься’; или пояснительного: *Мезе тият, сянь и няят*. ‘Что посеешь, то и пожнешь, букв.: Что сделаешь, то и увидишь’.

Мерное членение сложных пословиц иногда создается приемом синтаксического параллелизма: *Товарть аф инасак – аф мисак, аф сялдсак – аф рамасак*. ‘Букв.: Товар не похвалишь – не продашь, не похулишь – не купишь’; *Аф сембе няеви, мезе ляйге шуди, и аф сембе кулеви, мезе ломаттне корхнихть*. ‘Букв.: Не все видно, что по реке течет, и не все услышишь, что люди говорят’ [Самородов 1986: 132]. Основная мысль этих пословиц,

их идея выражена во второй части как назидательный вывод, ради которого они созданы.

Таким образом, композиция пословиц основана на мерном членении, которое дает четкое и сжатое выражение мысли и содействует легкости их произношения и запоминания [Серебренникова 1998: 867]. Мерность мокшанских пословиц, как и пословиц других народов, поддерживается их ритмическим строем.

Наряду с пословичными изречениями в мокшанской речи широко используются и присловицы, составляющие особую, относительно самостоятельную область изречений. По своим смысловым функциям и целям применения они выступают как стилевые разновидности. Присловицы – это такие же краткие, меткие образно-выразительные суждения, как и пословицы [Гриченко 2010: 163]. Однако своим смысловым функциям присловицы употребляются не для мудрого, поучительного и идейного углубления мысли в речи, а только для острой, задорной, решительной и в то же время шутливой характеристики качеств человека, его моральных и аморальных поступков, действий при различных обстоятельствах, неожиданных ситуациях и т. д. К примеру, присловицы употребляются при характеристике физических качеств и психических состояний человека: *Сон ащи бта тума: вастстонза аф токави*. ‘Букв.: Он стоит, как дуб: с места не тронешь’; *Сон таяна фалу: аф инголи, аф фталу*. ‘Букв.: Ни вперед, ни назад не идет, тронешь – пойдет’; *Сон моли тоза, сонцьке ав содасы коза*. ‘Букв.: Он идет туда – сам не знает куда’; *Шалхконц нолдазе*. ‘Букв.: Нос повесил’ и др.

При неожиданной встрече друзей, особенно после долгой разлуки, обычно приславят: *Мъзьяра кизот, мзяра тялот ашеме няе*. ‘Букв.: Сколько лет, сколько зим не виделись’; *Сон сась, бъята вьярде прась*. ‘Букв.: Он пришел, как с неба (или луны) упал’ и др. [Самородов 1986: 253].

Синтаксическая структура или композиция присловиц больше тяготеет к коротким предложениям просторечно-фамильярного стиля, используются составные рифмы (омонимические и каламбурные), образованные сочетанием двух и трех сходно звучащих слов (или одного и того же слова) при их смысловом различии с целью произвести комическое впечатление: *Валса – и тязонга и тозонга, а тевса – аш киц козонга*. ‘Букв.: Словами и туда и сюда, а на деле никуда’.

Характерным признаком композиционной структуры присловиц является и то, что в них часто встречаются личные местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица в роли подлежащего: *Синь эряйхть-сафтыйть, фкя-фкянь мяль касфтыхть*. ‘Букв.: Они живут-поживают, друг друга утешают’. Обычно для краткости речи личные местоимения опускаются, не произносятся, но они всегда подразумеваются. В пословицах личные местоимения в роли подлежащего почти не встречаются. И это не случайно, ибо наличие личных местоимений даже в таких пословицах, как: *Пряят ведьс – коськста аф лисят*. ‘Букв.: Упадешь в воду – сухим не будешь’, *Эряскодат – ломатть ракафатат*. ‘Букв.: Поспешешь – людей насмешешь’ и в других, противоречило бы их обобщенному значению [Серебренникова 1998: 192].

Некоторые присловицы структурно выступают как сравнительные формы высказывания: *Сон сась, бьта вярде*. ‘Букв.: Он явился, словно с луны свалился’; *Ладяйхть кода тинеть мархта катось*. ‘Букв.: Ладят как кошка с собакой’ или *Бьта ведьс ваясь*. ‘Букв.: Как в воду канул’; *Бьта вача врьгаз акай*. ‘Букв.: Как голодный волк ходит’; *Бьта салмокса (урняса) сялгсь*. ‘Букв.: Как иголкой кольнул’ и др.

Последние примеры показывают, что присловицы могут иметь эллиптическую форму высказывания, то есть выступать как односоставные предложения, в которых отсутствуют отдель-

ные звенья. Но эти отсутствующие звенья легко восполняются живой ситуацией непосредственного контакта [Гриченко 2010: 234].

Из вышесказанного следует, что изучение пословиц мокшанского языка имеет большую научную ценность с точки зрения вопросов системы языка. Несомненно, пословицы, присловицы и другие пословичные изречения украшают родную речь, выражают всеми принятые мнения, а также составляют своеобразный кодекс этических норм.

Список использованной литературы и источников

Богдашкина С. В. Концепт «человек» в мокшанских паремических произведениях / С. В. Богдашкина, Е. Н. Дьячкова // «Интеграция науки и культуры в образовательное пространство: молодежный взгляд» Всероссийская науч. – практич. конф. «Интеграция науки и культуры в образовательное пространство: молодежный взгляд», 30–31 октября 2013 г.: [материалы] / редкол.: Е. А. Жиндеева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2013. – С. 66–71.

Гриченко Л. В. Пословица как особый вид текста: проблема статуса / Л. В. Гриченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 148–149.

Мокшень-рузонь валкс (Мокшанско-русский словарь) / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. – М.: Рус. яз.: Дигора, 1998. – 921 с.

Самородов К. Т. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / К. Т. Самородов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 294 с.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт [и др.], 2008. – 1176 с.